

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

К. В. Фенин, Д. Н. Мусаева

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Россия*
E-mail: fenin.kir@yandex.ru, di.musaeva2018@yandex.ru

Статья посвящена проблемам измерения предпринимательской активности в России на субнациональном уровне, то есть в региональном разрезе. Авторами предложено 3 индикатора: доля малого и среднего бизнеса в ВРП, число индивидуальных предпринимателей и оборот малых предприятий на 1000 человек экономически активного населения в регионе, – отражающих состояние бизнес-среды в субъектах РФ. Выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по предпринимательской активности в России. Исследование показало, что изначальный выбор индикаторов измерения предпринимательской активности может существенно влиять на теоретические выводы и практические рекомендации.

THE PROBLEM OF MEASURING ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY AT SUB-NATIONAL LEVEL

C. V. Fenin, D. N. Musaeva

The article is devoted to the problems of measuring entrepreneurial activity in Russia at the subnational level, that is, in a regional context. The authors proposed 3 indicators: the share of small and medium-sized businesses in GRP, the number of individual entrepreneurs and the turnover of small enterprises per 1000 people of the economically active population in the region, reflecting the state of the business environment in the constituent entities of the Russian Federation. The leading and outsider regions in terms of entrepreneurial activity in Russia have been identified. The study showed that the initial choice of indicators for measuring entrepreneurial activity can significantly influence theoretical conclusions and practical recommendations.

Нельзя сказать, что русскоязычная экономическая наука испытывает дефицит в статьях, так или иначе касающихся проблем территориальной экономической дифференциации России. Ранее сами авторы данной статьи посредством анализа социально-экономических индикаторов развития субъектов Российской Федерации: ВРП per capita, средней заработной платы, уровня безработицы и инфляции, средней продолжительности жизни и т.п., – наглядно продемонстрировали, что экономическое пространство России в межрегиональном разрезе ещё более гетерогенно, чем экономическое пространство Европейского союза [1, 2, 3, 4]. Тем не менее, недавно опубликованная С.П. Земцовым и Ю.В. Царевой научная работа «Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России» создало благоприятный информационный повод и фон для обсуждения вопросов, связанных с поиском новых индикаторов для измерения и отражения неоднородного разви-

тия экономики России на субнациональном (региональном) уровне [5].

Упомянутые С.П. Земцов и Ю.В. Царева в процессе изучения долгосрочного влияния институтов на бизнес-деятельность в субъектах РФ, которую авторы измеряли как отношение числа микропредприятий и малых предприятий к экономически активному населению (ЭАН), пришли к ожидаемому выводу о неравномерном распределении предпринимательской активности между российскими регионами. При среднем значении для России в ≈ 28 малых предприятий на 1000 человек из ЭАН в лидеры по данному показателю выбились: Санкт-Петербург (62,7), Новосибирская (43,7), Тюменская (43,3), Калининградская (42,0) и Ярославская области (37,9), Москва (35,3), Томская (34,7), Ивановская (32,5) и Свердловская области (31,9) и Приморский край (28,6). Общий вывод С.П. Земцова и Ю.В. Царевой состоит в том, что деловая активность выше в субъектах РФ, где более высокий ВРП на душу населения, они ближе к крупным рынкам товаров и услуг, выше качество человеческого капитала. При этом в депрессивных российских регионах плотность малого бизнеса ниже [5].

Мы полагаем, что на результаты и конечные выводы уважаемых авторов во многом повлияли непосредственно методика и выбор индикаторов измерения деловой активности российского населения. Причем С.П. Земцов и Ю.В. Царева сами признают определенную ограниченность своего показателя [5]. В данных условиях представляется актуальным провести сходную оценку распределения деловой активности на субнациональном уровне Российской Федерации, используя набор собственных релевантных показателей.

Таблица 1

**Доля малого и среднего предпринимательства
в ВВП Российской Федерации в 2014–2021 гг., %**

Год	Доля МСП от ВВП в РФ, %
2014	20,1
2015	19,9
2016	21,2
2017	22,0
2018	20,4
2019	20,7
2020	20,8
2021	20,3

Примечание. Составлено авторами по [6, 7, 8]

Первым из таких показателей может быть доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в структуре ВВП РФ и ВРП российских регионов. Как следует из таблицы 1, доля МСП в ВВП в России, исчисляемая Росстатом с 2017 г., (до этого наличествовали только отдельные экспертные оценки), в 2014–2021 гг. в среднем не превышала 20%. Для сравнения, в 2021 г. доли МСП составили в ВВП в КНР – 60%, США – 56%, ФРГ – 43%, Японии – 55%, Израиле – 62,3%, Вьетнаме – 40%, Малайзии – 39%, Узбекистане – 56,9%, ЮАР – 42% [9]. Можно предположить, что в 1990-е – начале 2000-х гг. доля МСП в ВВП России

могла быть иной – меньше или, вероятнее, больше, однако определить ее из-за изменения институциональных условий и методики расчетов крайне сложно.

Анализ распределение вкладов МСП в ВРП по 82 российским регионам, исключая, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, в 2021 г. продемонстрировал ожидаемую территориальную неравномерность предпринимательской активности по Российской Федерации. В 56 из 82 регионов России вклад МСП в ВРП превышает общенациональное значение в среднем на 40%, а порой в 1,5–2 раза (в 19 регионах). В 26 субъектах РФ доля малого и среднего бизнеса в ВРП меньше, чем в российском ВВП в среднем на $\frac{1}{4}$, а в Тюменской области в 3,2 раза. Максимальные и минимальные значения удельных весов МСП в ВРП по регионам России представлены в табл. 2.

Таблица 2

Топ-5 российских регионов с максимальными и минимальными долями МСП в ВРП, отношение подушевых ВРП данных субъектов к ВВП per capita России в 2021 г., %

Субъект РФ	Доля МСП в ВРП субъекта, %	Отношение ВРП на душу населения субъекта РФ к ВВП на душу населения РФ, %
Ивановская область	40,2	33,0%
Новосибирская область	38,8	62,6%
Алтайский край	36,6	39,9%
Калининградская область	34,4	71,1%
Пензенская область	34,0	45,2%
Мурманская область	10,5	160,4%
Сахалинская область	10,2	274,4%
Республика Коми	9,4	114,3%
Чукотский АО	8,9	294,9%
Тюменская область	6,4	322,7%

Примечание. Составлено авторами по [6]

Во всех пяти регионах-лидерах по вкладу МСП в экономику, помимо невысоких подушевых ВРП, отмечались: 1) низкий уровень номинальных заработных плат относительно средней зарплаты в целом по Российской Федерации (в 2021 г. – 57244 рублей, а в 5 «предпринимательских» регионах ниже в среднем на 34%) и 2) мизерный вклад в ВРП региона добывающей промышленности (в 2021 г. по РФ 14,4%, а по «предпринимательским регионам» в среднем 1,7%). Во всех пяти регионах-аутсайдерах по вкладу МСП в ВРП в 2021 г. были отмечены высокий уровень номинальных заработных плат – в среднем на 56% выше средней зарплаты по России, а также либо 1) гипертрофированная отрасль добычи полезных ископаемых (Республика Коми, Сахалинская и Тюменская области, Чукотский автономный округ), либо 2) развитая обрабатывающая промышленность (Красноярский край и Мурманская область) [6].

Таким образом, уровень экономического развития, отраслевая структура регионов России и уровень оплаты сильно влияют на величину МСП в ВРП каждого конкретного субъекта. Причем, зависимость в данном случае обратная:

чем более экономически развит субъект Российской Федерации (чем больше его ВРП на душу населения), тем меньше удельный вес малого и среднего бизнеса в его субнациональной экономической системе. Данный факт подтверждает не только ограниченная выборка регионов из таблицы 2, но корреляционный анализ взаимосвязи ВРП на душу населения и долей МСП в ВРП по 82 субъектам Российской Федерации в 2021 г.: $R = -0,61$, то есть средняя обратная связь. Исследование влияния МСП на субнациональную экономическую динамику: темпы роста ВРП по 82 регионам России в 2010-2021 гг., исключая кризисные 2015 г. и 2020 г., – показало слабую положительную связь ($R=0,2$), то есть масштабный сектор малого и среднего бизнеса, в общем и целом, не делает экономику субъекта более динамичной. Впрочем, средние темпы роста ВРП Калининградской, Новосибирской и Пензенской областей в 2010-2021 гг. (3,8%) превышали средний темп роста всех 82 регионов (2,8%) за тот же период [6].

Выявленная нами закономерность между масштабом сектора МСП в субнациональных экономиках российских регионов и величиной их ВРП может быть интерпретирована с помощью теории советского экономиста А.Н. Челинцева. Ученый, используя марксистскую концепцию о конвергентном экономическом развитии государств, в 1920-х гг. писал о том, что «аграрные экономики губерний Российской империи демонстрировали переход во времени от низших к высшим формам производства. <...> Каждый более интенсивно организованный район мог рассматриваться, как грядущая стадия развития для низшего» [10]. Перекладывая размышления А.Н. Челинцева на наш кейс можно с определенной долей условности сделать вывод о том, что в России регион с масштабным сектором МСП – это более ранняя, менее высокоорганизованная стадия развития субнациональной экономики, нежели промышленно развитый субъект. Подобное положение вещей отчасти следствие ресурсной специализации российской экономики: в 2021 г., по данным, Всемирного банка, доля совокупной природно-ресурсной ренты в ВВП РФ составила 18,5% (26 место из почти 200 стран, среднее значение по которым – 3%), а, по данным Росстата, доля нефтегазового сектора в 2022 г. в российском ВВП достигла 18,1% [6; 11]. Для того, чтобы стать экономически успешными российские регионы должны развивать добывающую и перерабатывающую промышленность, включаясь в международные разделение труда, торговлю и конкуренцию в качестве, преимущественно поставщиков ресурсов, которые есть далеко не во всех субъектах. Поэтому для бедных ресурсами (и административным положением) регионов России, остается внутренняя специализация на отсталости и МСП. Это косвенно подтверждает предположение о том, что в российской национальной экономике, пережившей долгий кризис 1990-х гг. и деградацию крупных производственных структур, в период восстановления (до 2010-х гг.) сектор малого и среднего бизнеса мог быть намного больше текущего объема в 20% [6].

Уместным дополнением к исследованию неравномерного распределения долей МСП от ВРП регионов России будет анализ ранее использованного авторами в статье «Влияние неэкономических факторов на развитие предпринима-

тельства в современной России» (подробнее см. [12]) показателя – относительного числа индивидуальных предпринимателей (ИП) на 1000 человек экономически активного населения, распределенного по субъектам РФ (см. табл. 3).

Таблица 3

Топ-5 российских регионов с максимальным и минимальным числом индивидуальных предпринимателей на 1000 человек экономически активного населения, отношение подушевых ВРП данных субъектов к ВВП per capita России в 2021 г., чел., %

Субъект РФ	Количество ИП на 1000 человек ЭАН в 2021 г., чел.	Отношение ВРП на душу населения субъекта РФ к ВВП на душу населения РФ, %
Республика Крым	138,90	33,3%
Ростовская область	131,45	52,2%
Костромская область	126,48	41,7%
Республика Хакасия	123,99	62,5%
Краснодарский край	123,38	60,7%
Мурманская область	52,36	160,4%
Республика Ингушетия	46,89	16,0%
Кабардино-Балкарская Республика	45,86	24,7%
Республика Северная Осетия-Алания	42,11	31,6%
Республика Дагестан	31,82	27,9%

Примечание. Составлено авторами по [6]

В 2021 г. среднее и медианные значения количества ИП на 1000 человек ЭАН по 82 регионам России равны 92,3, максимальное значение наблюдалось в Республике Крым (138,9), минимальное – в Республике Дагестан (31,8), в целом по Российской Федерации анализируемый показатель равен 91,5 [6]. Поиск взаимосвязей между уровнем экономического развития субъектов Российской Федерации и относительным количеством индивидуальных предпринимателей не дал каких-либо однозначных результатов: корреляционный анализ зависимости величины подушевых ВРП и темпов роста ВРП в 2010-2021 гг. (без включения кризисных 2015 г. и 2020 г.) от числа ИП на 1000 человек ЭАН в 82 регионах России дал значение R, равного 0,07 и 0,05 соответственно. То есть, экономические успехи/неудачи российских регионов, в общем и целом, почти ни как не зависят от количества предпринимателей в них. Впрочем, средние темпы роста ВРП 5 регионов с максимальным числом ИП в 2010-2021 гг. составили 3,3%, а 5 регионов с минимальным росли медленнее – 2,9% в год в 2010-2021 гг. (средние темпы роста ВРП по 82 регионам – 2,8%) [6].

Попадание в общий список аутсайдеров по числу ИП на 1000 человек ЭАН субъектов Северо-Кавказского федерального округа (в республиках Карачаево-Черкессии и Чечне число предпринимателей также невелико – 72 и 75 ИП на 1000 ЭАН соответственно), а также г. Москвы (68,6 ИП на 1000 ЭАН) может быть объяснено низким качеством статистики по численности населения и его занятиям. Регионы-лидеры по ИП на 1000 ЭАН в 2021 г. (Калмыкия и Севастополь также вошли в первую десятку с результатами 121 и 119 ИП на 1000

ЭАН соответственно) может объединять специфика отраслевой структуры самого Южного федерального округа (ЮФО), который специализируется на сельском хозяйстве, гостиничном бизнесе, а также транспортировке и хранении, втором виде деятельности по абсолютному числу ИП (703,5 тыс.), после оптовой и розничной торговли. При этом в валовой добавленной стоимости ЮФО добыча полезных ископаемых в 2021 г. составила 5,3% – ниже только в Центральном федеральном округе (1,4%), а Астраханская область, в которой доля добычи полезных ископаемых в ВРП в 2021 составила 49,1%, темпы роста ВРП (5,6% в 2010-2021 гг.) и подушевой ВРП (661,2 тыс. руб.) самые высокие в ЮФО, не попала в перечень лидеров по ИП на 1000 ЭАН [6]. Таким образом, тезис о том, что высокие показатели предпринимательской активности в субъектах РФ скорее свидетельствуют об их сравнительной отсталости и специфической отраслевой структуре субнациональной экономики, остается верным.

Таблица 4

Топ-5 российских регионов с максимальным и минимальным оборотом микро- и малых предприятий на 1000 чел. ЭАН в 2021 г., млн. руб.

Субъект РФ	Оборот микро- и малых предприятий на 1000 человек ЭАН, млн руб.
г. Москва	1,817
г. Санкт-Петербург	1,784
Новосибирская область	1,297
Магаданская область	1,084
Приморский край	1,036
Кабардино-Балкарская Республика	0,156
Республика Калмыкия	0,144
Республика Тыва	0,116
Республика Дагестан	0,114
Республика Ингушетия	0,088

Примечание. Составлено авторами по [6]

Анализ иных индикаторов предпринимательской активности в российских регионах, приближенных к тем, которые использовали С.П. Земцов и Ю.В. Царева, скажем, оборот микро- и малых предприятий на 1000 человек экономически активного населения, представленных в таблице 4, ожидаемо подтверждает позицию данных авторов о том, что «плотность малого бизнеса в Российской Федерации выше в экономически более развитых регионах с крупными агломерациями, лучшим деловым климатом и с выгодным ЭГП» [5]. Среди аутсайдеров по предпринимательской активности вновь оказываются экономически отсталые северокавказские и иные национальные республики, в том числе, и Калмыкия, которая по ИП на 1000 ЭАН была в числе лидеров, что ещё раз подтверждает существенное влияние изначально выбранных статистических показателей на формулирование конечных выводов исследования. В данном случае уместным будет сослаться на М. Маццукато, которая отметила, что внимание исследователей и политиков к малым предприятиям продиктовано не

столько их значимостью для экономики, сколько идеализацией образа предпринимателя-визионера и большим объемом данных для анализа, которые с легкостью трансформируются в формальные KPI. Так, если малое предприятие из 10 работников наймет еще 10, то обеспечит 100% рост занятости, что смотрится более эффективно, нежели фирма, в которой работает 15000 человек, наймет ещё 1500, добавив к занятости 1%, однако очевидно, какая из этих двух гипотетических фирм больше влияет на сокращение безработицы на макроуровне [13].

В данном исследовании авторами показано три способа измерения предпринимательской активности (плотности бизнес-деятельности) в Российской Федерации на субнациональном уровне, которые как и множество иных традиционных и специфических социально-экономических индикаторов отражают неравномерность российского экономического пространства. Мы полагаем, что на развитие предпринимательства в каждом конкретном российском регионе влияние оказывают структура его субэкономики и отраслевая специализация. Причем, высокие значения некоторых показателей предпринимательской активности в субъектах РФ скорее свидетельствуют о сравнительной экономической отсталости рассматриваемых регионов. Однако выбор индикаторов измерения предпринимательской активности может существенно влиять на формулирование теоретических выводов исследования и практических рекомендаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Федоляк В. С.* Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2008. Т. 8. № 2. С. 12-20.
2. *Федоляк В. С.* Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 16-20.
3. *Фенин К. В., Мусаева Д. Н.* Различные измерения неоднородности экономического пространства Российской Федерации // Гуманитарный научный журнал. 2019. № 1. С. 120-127.
4. *Фенин К. В.* Экономическая поляризация России на субнациональном уровне // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230 № 4. С. 461-466.
5. *Земцов С. П., Царева Ю. В.* Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // Вопросы экономики. 2023. №7. С. 115-141.
6. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 20.10.2023).
7. *Улько С. А.* Современное положение малого и среднего предпринимательства в России и в Китае // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2019. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/> (дата обращения: 15.10.2022).
8. *Божко Л. М.* Оценка динамики развития малых и средних организаций для обоснования их потребности в организационных изменениях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4 (48). С.67-73.
9. Специальный доклад Президенту Российской Федерации – 2021. МСП / Постковид: Время для системных решений. М. : Института экономики роста им. П. А. Столыпина, 59 с.
10. *Челинцев А. Н.* Русское сельское хозяйство перед Революцией. / 2-е переработан-

ное и допол. изд. М. : Кооперативное издательство студентов Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева «Новый агроном», 1928. 239 с.

11. Total natural resources rents (% of GDP) Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS?locations=RU&most_recent_value_desc=true&view=chart (accessed: 20.10.2023).

12. *Мусаева Д. Н., Фенин К. В.* Влияние неэкономических факторов на развитие предпринимательства в современной России // Державинский форум. 2023. Т. 7. № 1. С. 147-156.

13. *Мацукато М.* Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 360 с.